Е.В. Желудева,
соискатель Военного университета

ЖАН-МАРИ ГЮЙО: СОЦИОЛОГИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ ИСКУССТВА

Главной задачей эстетики французского философа Ж.-М. Гюйо (1854–1888) был анализ искусства в его социальном значении. Он вступал в полемику с теми теоретиками (Шиллер, Аллен, Спенсер), которые объявляли искусство игрой. По мнению Ж.-М. Гюйо, концепции подобного рода, отделяя искусство от истины, реальности, добра, тем самым отвергали всякое серьезное его значение. Эстетическая концепция Гюйо была сознательно задумана как синтез философского, социологического, психологического и социально-психологического подхода к искусству.

Принцип подражания, являющийся, согласно Гюйо, одним из основных законов как общества, так и искусства, сообщает искусству силу, которая может быть направлена и на зло, и на добро. Искусство производит эстетические эмоции общественного характера. От личности художника, а также среды, в которой он живет и творит, во многом зависит, будет ли искусство представлять возвышенные или низменные чувства. Не случайно проблеме гения в искусстве Гюйо уделяет огромное внимание.

Прежде всего творец должен быть личностью общительной, умеющей понимать людей и в то же время доброжелательной, способной на жертву. «Гений должен увлекаться всем и всеми, чтобы все понять». Это обеспечивается его способностью «отделяться от своей личности, раздваиваться, обезличиваться, то есть быть высшим проявлением общительности». «Гений заключает в себе многих, – указывает он далее, – не переставая быть единым: он сам, быть может, более других представителей индивидуальность и, в то же время, он носит в себе как бы живое общество»[1].

Искусство, по Гюйо, есть «только усилие создать жизнь», и это функция выполняется гениями. Последние в чем-то подобны богам, способным понимать и сочувствовать людям и в то же время любить их, желая им добра, передавать им возвышенные чувства. Гений для Гюйо не простой смертный. Чтобы быть гением и, растворяясь в других, сохранить индивидуальность, человек должен обладать огром-

[1] *Гюйо Ж.-М.* Искусство с социологической точки зрения. СПб., 1900. С. 69.

ным запасом жизненной энергии. «Великий художник – это творец жизни во всех ее видах, ...однако… нельзя создать жизнь, не сделав займа из ее собственных запасов… Художник, одаренный сильным воображением, должен обладать достаточно интенсивной жизнью, чтобы одушевлять по очереди каждое из лиц, которые он создает». Иными словами, основная задача гения заключается в том, чтобы «создавать силою одной своей личной жизни другую, оригинальную жизнь»[1].

Таким образом, по мнению Гюйо, социальный характер искусства объясняет нам и социальную природу гениальности. Артистический и поэтический гений, указывает он, есть «крайне интенсивная форма симпатии и социальности, которая удовлетворяется только в создании нового мира, мира живых существ. Гений – это сила любви, и, как всякая истинная любовь, она энергично стремится к оплодотворению и созиданию жизни». Ведущий для Гюйо принцип жизни «наиболее интенсивной и наиболее социальной» мы находим везде.

Вслед за И. Тэном Гюйо выделяет три аспекта взаимоотношений гения и общественной среды: 1) реальное, старое общество, которым обусловливается само существование гения и отчасти его успех; 2) общество, мысленно видоизмененное, понятное самому гению, это мир желаний, страстей и идей, созданный в его уме и являющийся измышлением на почве возможного; 3) новое общество, постепенно создающееся из поклонников и последователей гения, которые путем подражания более или менее осуществляют в своей среде его нововведения[2].

Завершая рассмотрение проблемы художественной гениальности, Гюйо отмечает, что мир искусства, как и мир социальный, состоит из новаторов (гениев) и повторителей (публики). От новаторов зависит, будет ли искусство «побуждать общество сочувствовать в воображении лучшему или худшему обществу, идеально представленному». Мыслитель провозглашает: великие поэты и художники сделаются некогда наставниками масс, жрецами социальной религии без догмата.

Рассмотрев механизм, посредством которого, по его мнению, художник способен передавать свои чувства людям, воспринимающим его произведения, Гюйо вновь обращается к выявлению целей и задач искусства по отношению к обществу. По его мнению, искусство обнаруживает свою социальную природу, будучи рассматриваемо с трех различных точек зрения: происхождения, задач и сущности. Последней из этих точек зрения Гюйо уделяет наибольшее внимание.

---

[1] *Гюйо Ж.-М.* Искусство с социологической точки зрения. С. 70.
[2] Там же. С. 77.

Искусство социально не только потому, что его происхождение и задача берут начало в реальном обществе, действию которого оно подвергается и на которое воздействует, но потому, что «создает идеальное общество», где жизнь достигает максимума своей интенсивности и своего распространения. Оно есть, таким образом, высшая форма общественности и всемирной истории. Искусство, утверждает Гюйо, есть расширение идеи общества (посредством чувства) на все существа на земле и даже на существа, превосходящие природу и, наконец, на существа, созданные людским воображением. Художественная эмоция непременно социальна. Результатом ее является расширение индивидуальной жизни, приобщая ее к более широкой мировой жизни. Внутренний закон искусства – создание эстетической эмоции социального характера.

На первый взгляд здесь есть определенное противоречие: ощущения и чувства традиционно рассматриваются как то, что более всего разъединяет людей; о вкусах не спорят, потому что их считают субъективными. Однако, по убеждению Гюйо, есть средство социализировать их, сделать в большинстве случаев тождественными для различных индивидуумов – это искусство. «Из глубин несвязных и несходных индивидуальных ощущений и чувств искусство выделяет такую совокупность их, которые могут находить отзвук сразу у всех или у большинства и которые могут вызвать ассоциацию наслаждений»[1].

В эстетическом наслаждении (удовольствии) Гюйо выделяет три его типа: 1) умственное удовольствие распознания предметов памятью; 2) удовольствие симпатизировать автору произведения искусства, его работе, намерениям, успехам; 3) удовольствие симпатизировать существам, изображенным художником. Особенность этих наслаждений заключается в том, что они взаимно не исключают друг друга как удовольствия эгоистические, но, наоборот, находятся в прочной «солидарности». Таким образом, подобно метафизике и морали, искусство поднимает индивида над его собственной жизнью, чтобы заставить его жить жизнью мировой, приобщая не только к идеям и верованиям или желаниям и действиям, но и к ощущениям и чувствам. Искусство, по словам Гюйо, есть орудие общественного единения и согласия и, быть может, более основательное орудие, чем все другие. Без сомнения, одинаково мыслить – уже очень много, но этого еще недостаточно, чтобы заставить одинаково желать; великая тайна в том, чтобы заставить нас одинаково чувствовать, и это чудо совершает искусство.

[1] *Гюйо Ж.-М.* Искусство с социологической точки зрения. С. 94.

На основании этих принципов искусство, по Гюйо, получает тем большее значение, чем полнее и всестороннее осуществляет два существенных условия общности человеческих чувств: 1) необходимо, чтобы ощущения и чувства вызывали симпатию ощущений и чувств высшего свойства. Последние должны быть наиболее интенсивны и общедоступны, т. е. социальны: «Социальная взаимность есть закон эстетического чувства наиболее высокого и сложного». Великое искусство в равной степени оказывается способно вызвать удивление и целого народа (и даже многих народов), и в то же время небольшого числа людей, достаточно сведущих, чтобы найти в нем более сокровенный смысл; 2) имея целью установить между живыми существами связь общественного чувства и симпатии, искусство может достигнуть этого только при посредстве симпатии, внушенной к живым существам, которые созданы искусством. Отсюда вытекает следующая задача эстетики: определить, при каких условиях данная личность является симпатичной и имеет право войти в общение со всеми людьми.

Первое условие, при котором лицо может быть симпатично – его жизненность. Второе условие – его одушевленность чувствами, которые мы можем понять и которые сильны в нас самих.

Согласно Гюйо, жизнь в ее непосредственности – это индивидуальность; симпатизировать можно только тому, что индивидуально или кажется таковым; отсюда для искусства вытекает необходимость и в то же время сложность давать своим творениям печать индивидуальности. Здесь всегда приходится балансировать между двумя крайностями: можно породить бездушный и безжизненный манекен, но можно и создать столь совершенную индивидуальность, что о ней также можно будет сказать, что она «не выражает ничего типичного, не может вызывать продолжительного интереса». Искусство, заставляющее нас симпатизировать индивидуумам, которых оно изображает, тем самым обращается к общественным сторонам нашего существа. Литературный герой – существо общественное, защищает ли он общество или нападает на него, он интересует нас больше всего именно этими точками соприкосновения с последним.

Человеческая социальность должна распространяться на всю природу; этим объясняется рост той части современного искусства, которая занимается описанием природы. «Искусство человека так же, как и искусство природы заключается в том, чтобы отразить целый мир в капле воды». При этом, согласно Гюйо, истинное изображение вещей должно быть ничем иным, как их «симпатическим одухотворением».

Таким образом, Гюйо последовательно направляет все богатство и разносторонность художественной деятельности к одному стрем-

лению – «усилию творить жизнь, – какую бы то ни было жизнь, – лишь бы она возбуждала симпатию в читателе».

Связывая воедино основные компоненты своей социальной философии, Гюйо рассматривает в работах по эстетике ряд этических и религиозных аспектов искусства. Высшим законом искусства должно быть такое нравственное и общественное качество, как искренность. Гюйо убежден, что по степени искренности и духу «истинной общительности», воплощенных в произведении, мы можем точно определить умственное и нравственное здоровье его автора. Прогресс искусства во многом измеряется степенью симпатии, которую оно вызывает к несчастным в жизни, ко всем низшим существам, ничтожным и уродливым созданиям. В этом случае искусство успешно справляется со своей основной задачей – «распространением эстетической социальности».

Будучи, как и многие его современники, встревоженым процессом возникновения и расширения «массовой культуры», Гюйо видит в ней угрозу нравственности и социальности: «Реальное искусство дает в результате постепенное распространение социальности, заставляя нас симпатизировать людям всякого рода, положения и значения, но в этом именно заключается также и опасность. Получается известная противоположность между слишком быстрым расширением социальности и сохранением всех общественных инстинктов во всей их чистоте»[1]. «Общество более многочисленное есть в то же время и менее избранное». Тревогу вызывает у Гюйо то, что «рост общественности идет параллельно росту активности; чем больше развивается активность, тем больше открывается для деятельности разнообразных путей, далеких от того, чтобы быть всегда прямыми». «Искусство наших дней, – подчеркивает философ, угадывая пороки и слабые места демократии, – делается все более демократичным, и дошло до того, что предпочитает общество порочных людей обществу честных». Есть даже такие направления литературы, «которые избирают объектами наших симпатий элементы несоциальные, как то: неуравновешенных, невропатов, сумасшедших, преступников». И в данной ситуации «чрезмерность художественной социальности приводит даже к ослаблениям общественной и моральной связи»[2].

Гюйо делает вывод, что одной лишь «жизненности» в изображении персонажей недостаточно для создания высокохудожественных произведений, огромное значение имеет то, какой тип общества выбран художником для привлечения наших симпатий: «Ни в коем случае не безразлично, есть ли это общество прошлое, настоящее

[1] *Гюйо Ж.-М.* Искусство с социологической точки зрения. С. 157–158.
[2] Там же. С. 158–159, 170, 177.

или будущее, и какая, та или другая общественная группа взята в этих обществах»[1].

Гюйо обращает внимание на сущностное родство искусства и религии: «Искусство... приводит нас в сношение с... миром путем сочувствия и эмоции... искусство делает из него (из мира) мир живых существ... оно создает из него новое общество, присоединяемое воображением к обществу, в котором мы действительно живем. Искусство, как и религия, есть антропоморфизм и социоморфизм»[2]. Они обладают также телеологическим родством. Цель религии есть удовлетворение действительное, практическое всех наших стремлений к жизни идеальной, доброй и счастливой, и в то же время удовлетворение, долженствующее наступить со временем или в вечности. Цель искусства – это немедленное осуществление в мысли и воображении и немедленно чувствуемое всех наших мечтаний об идеальной жизни, о жизни интенсивной и экспансивной, о жизни доброй, страстной, счастливой, не подчиненной никакому другому закону или правилу, кроме интенсивности и гармонии, необходимых для того, чтобы дать нам действительное ощущение полноты существования[3].

Тема триединства морали, религии и искусства получает у Гюйо законченное выражение. Ключом к их синтезу оказывается понятие жизни. Эстетическое чувство философ отождествляет с жизнью, достигшей осознания своей интенсивности и внутренней гармонии. «Прекрасное» определяется им как восприятие или действие, возбуждающее одновременно жизнь в трех ее формах (чувство, ум, воля) и вызывающее наслаждение с помощью непосредственного сознания этого общего возбуждения. Нравственное чувство, в свою очередь, совпадает с жизнью наиболее интенсивной и экстенсивной, достигшей сознания своей практической плодотворности. Главная форма этой плодотворности – деятельность для другого и общение с другими людьми. Религиозное же чувство, по мысли Гюйо, возникает тогда, когда сознание общественности жизни, расширяясь, простирается на все существа, не только реальные и живые, но и на возможные и воображаемые. Единство эстетики, морали и религии Гюйо ищет, таким образом, в идее самой жизни и ее разнообразных индивидуальных или социальных проявлениях.

Чтобы адекватно понять эстетическую концепцию Гюйо, не следует забывать о том широком смысле, который он придавал понятиям общества и общественности. Жизнь социальная, симпатическая и

[1] *Гюйо Ж.-М.* Искусство с социологической точки зрения. С. 178.
[2] Там же. С. 19.
[3] См. там же. С. 20–21.

развивающаяся, со своими законами и условиями всякого рода, выражается посредством прекрасного и создает искусство. Высокая задача искусства – производить эстетическую эмоцию социального характера. Целью последней, в свою очередь, становится расширить индивидуальную жизнь, заставить ее слиться с более широкой универсальной жизнью. Соглашаясь с О. Бальзаком, Гюйо утверждает, что искусство может в конечном итоге определять условия для тех или иных процессов в обществе, т. е. создавать некую новую социальную реальность. Нет пределов для содержания искусства; оно все захватывает – от элементарного чувства до высочайших религиозных и метафизических идей, и чем богаче идейное содержание искусства, чем полнее и разностороннее его симпатии, тем оно общественнее, и тем выше его эстетическое достоинство.

Итак, подчеркивает Гюйо, «есть глубокое единство между выражениями: жизнь, нравственность, общество, искусство, религия. Великое, серьезное искусство – то, в котором поддерживается и выражается это единство»[1].

Гюйо успешно справился с задачей создания целостной социально-философской концепции. Эта целостность обеспечивается наличием ряда системообразующих идей и понятий, прежде всего «жизнь» и «социальность». Эти понятия тесно связываются Гюйо между собой. «Социальность» трактуется весьма широко и означает всякую направленность вовне энергии живого существа. Подобная расширительная трактовка социальности, хоть и является специфической чертой социальной философии Гюйо, соответствует тенденциям развития позитивизма XIX в. Компоненты социальной философии Гюйо подчинены одной общей задаче – разработке нового общественного идеала. И хотя его контуры остаются у Гюйо довольно расплывчатыми, можно выделить ряд его основных черт: достижение высокого уровня социальной солидарности, характеризующегося единством идей, воль (синергия) и чувств (симпатия); создание в обществе благоприятных условий для раскрытия каждым человеком своего внутреннего потенциала; реализация во всех сферах общественной жизни права свободного выбора.

Гюйо не смог полностью избежать социального утопизма, который сам подвергал всесторонней критике. Однако в целом социально-философская мысль Гюйо обладает непреходящей ценностью и значением. Ее отличает мощная жизнеутверждающая сила и гуманистическая вера в творческие возможности и способности человека.

---

[1] *Гюйо Ж.-М.* Искусство с социологической точки зрения. С. 460.